

Научная статья

УДК 34:004:347.78:340.13:347.9:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/ppfjub>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.2>

Эволюция авторского права в эпоху искусственного интеллекта: анализ правовых коллизий и судебных прецедентов

Фемистоклис Цимас

Университет Фракии имени Демокрита, Комотины, Греция

Ключевые слова

авторское право,
законодательство,
интеллектуальная
собственность,
искусственный интеллект,
междисциплинарный
подход,
право,
правовое регулирование,
суд,
технологический прогресс,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: комплексный критический анализ современных проблем в области правового регулирования технологий искусственного интеллекта, возникающих на стыке норм интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется исследованию коллизий между существующим европейским законодательством об авторском праве и новыми технологическими реалиями.

Методы: в работе применяется междисциплинарный подход, включающий исторический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. Исторический метод позволил проследить эволюцию законодательных и доктринальных подходов к регулированию интеллектуальной собственности в эпоху цифровизации. Формально-юридический метод дал возможность провести детальный анализ правовых норм различных государств. Сравнительно-правовой метод обеспечил возможность сопоставления различных подходов к регулированию отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта в творческой деятельности.

Результаты: в ходе исследования детально рассмотрены вопросы авторского права на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, включая сложные аспекты определения авторства и проблемы антропоцентризма в современном законодательстве. Проведен анализ судебных прецедентов, преимущественно в контексте законодательства Европейского союза, которое активно адаптируется к новым технологическим вызовам. Исследованы различные подходы к определению правового статуса произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, и их влияние на традиционные концепции интеллектуальной собственности.

Научная новизна: в статье впервые представлена комплексная оценка влияния творческих возможностей искусственного интеллекта на

© Цимас Ф., 2025

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

фундаментальные концепции интеллектуальной собственности. Научная значимость заключается в оригинальной авторской оценке воздействия технологий искусственного интеллекта на законодательство об авторском праве, основанной на детальном анализе судебных прецедентов и доктринальных подходов. Исследованы перспективы развития правового регулирования в условиях технологического прогресса.

Практическая значимость: в работе предложены конкретные правовые и государственные решения, направленные на формирование сбалансированного и эффективного режима интеллектуальной собственности в эпоху искусственного интеллекта. Разработаны рекомендации по совершенствованию законодательства с учетом существующих судебных прецедентов и потребностей цифровой экономики. Результаты исследования могут быть использованы при разработке новых нормативных актов и совершенствовании существующей правовой базы в области регулирования искусственного интеллекта.

Для цитирования

Цимас, Ф. (2025). Эволюция авторского права в эпоху искусственного интеллекта: анализ правовых коллизий и судебных прецедентов. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(1), 35–64. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.2>

Содержание

Введение

1. Онтология искусственного интеллекта и значение его автономии
2. Основы норм в области интеллектуальной собственности и влияние искусственного интеллекта. Взгляд с точки зрения законодательства Европейского союза
3. Судебные прецеденты, в которых оценивается влияние искусственного интеллекта на законодательство об авторском праве

Заключение

Список литературы

Введение

В быстро меняющейся сфере интеллектуальной собственности интеграция искусственного интеллекта (далее – ИИ) в творческий процесс стала неоспоримо мощным фактором, который изменил саму природу оригинальных произведений и привнес множество сложных юридических аспектов (Greenstein, 2022). Правовые системы пытаются осмыслить преобразующее воздействие ИИ на интеллектуальную собственность¹. В основе этих эффектов лежит уникальная онтология искусственного интеллекта и, более конкретно, его автономия, которая позволяет ИИ создавать творческие и оригинальные работы без какого-либо или, по крайней мере, критического

¹ Love, J. (2023, August 7). We Need Smart Intellectual Property Laws for Artificial Intelligence, *Scientific American*. <https://clck.ru/3GEWjn>; Ogwuche, Perpetua. (2022, October 16). Artificial Intelligence: The Legal Implications of Intellectual Property Rights for AI-generated Inventions. <https://clck.ru/3GEWku>

вмешательства человека. Хотя этот юридический вопрос возник совсем недавно, в различных правовых системах по всему миру уже принят ряд судебных решений². В настоящей статье предпринята попытка исследовать взаимосвязь между произведениями, созданными с помощью искусственного интеллекта, и нормами интеллектуальной собственности со ссылкой на соответствующие недавние судебные решения. Цель работы – изучить возможное влияние указанных решений на направление развития законодательства Европейского союза. Точка отсчета – роль антропоцентризма как необходимого условия защиты интеллектуальной собственности.

Рост влияния ИИ на создание защищенных авторским правом, запатентованных и находящихся в собственности произведений имеет ряд последствий. Последствия эти потенциально катастрофичны из-за растущих возможностей ИИ и его способности имитировать характеристики человеческого интеллекта. Эти способности, по крайней мере, напоминают творческие способности и оригинальность мышления человека. Исходя из этого, разумно задаться вопросом о том, кому должны принадлежать изобретения, созданные с помощью искусственного интеллекта, в целом и по законодательству ЕС в частности. В следующем разделе работы мы кратко рассмотрим некоторые элементы онтологии искусственного интеллекта, которые имеют решающее значение для понимания того, почему ИИ бросает вызов антропоцентризму в отношении права интеллектуальной собственности.

1. Онтология искусственного интеллекта и значение его автономии

Закон ЕС об искусственном интеллекте определяет ИИ как «систему, которая предназначена для работы с определенным уровнем автономии и которая, основываясь на информации и входных данных, предоставляемых машиной и/или человеком, определяет, как достичь заданного набора определенных человеком целей, используя машинное обучение и/или подходы, основанные на логике и знаниях, а также выдает сгенерированные системой результаты, такие как контент (генеративные системы искусственного интеллекта), прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на среды, с которыми взаимодействует система искусственного интеллекта»³. Это определение используется в настоящей статье для того, чтобы избежать частого повторения определения ИИ, а также из-за его всеобъемлющего значения. Оно относится к широкому спектру результатов ИИ, от принятия решений до контента. Именно на основе этой онтологии возникает вопрос о регулировании произведений, создаваемых искусственным интеллектом⁴.

Концепция ИИ изначально строится на стремлении создать машины, которые могут имитировать человеческий интеллект или его аспекты; другими словами, развитие ИИ относится к поиску нового типа разумных существ (Gerdes, 2018).

² В статье даются ссылки на важнейшие из них.

³ The EU Artificial Intelligence Act. <https://clck.ru/3GEWoH>

⁴ До этой законодательной инициативы Европейская комиссия направила Европейскому парламенту обращение «Искусственный интеллект для Европы», в котором ставились такие цели, как «повысить технологический и промышленный потенциал ЕС и степень использования ИИ в экономике... подготовиться к социально-экономическим изменениям, вызванным созданием надлежащих этических и правовых норм»; EC, “Artificial Intelligence for Europe”, Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, COM/2018/237 final, 25 April 2018.

Фундаментальным элементом ИИ является его расширяющаяся интеллектуальная автономия, которая обеспечивает ему способность адаптироваться к новым условиям (Omohundro, 2008; Russell & Norvig, 2010). Именно переход от автоматизации к автономии делает ИИ таким уникальным. Автономность означает, что ИИ не является простым результатом заранее определенного программного обеспечения, а имитирует и воспроизводит процедуру обучения человека и аспекты человеческого интеллекта посредством машинного обучения (McCarthy, 2008; Lake et al., 2016). Подход Алана Тьюринга состоял в том, чтобы компьютер мог повторить мышление, методологию и развитие ребенка (Turing, 1950).

Машинное обучение означает, что искусственный интеллект «учат» тому, как выдавать определенные результаты (Bostrom & Ćirkovic, 2008). Цель машинного обучения в аспекте ИИ состоит в том, чтобы достичь естественных закономерностей развития и, следовательно, получать решения для широкого спектра не предопределенных заранее задач без обязательного участия людей (Bostrom, 2014). Таким образом, ИИ учится и принимает решения на основе действий с наибольшей ожидаемой полезностью в свете основных предпочтений и целей (Bostrom, 2014).

«Машинное обучение» происходит на основе сбора и использования больших объемов данных для обучения алгоритмов. ИИ обучается на основе наших общих данных, порожденных всем сообществом, и в этом смысле автономия ИИ по сути (по крайней мере, частично) является социальным результатом. Именно эта процедура дает возможность искусственному интеллекту развивать и демонстрировать такие характеристики, как логика⁵ (инструмент анализа⁶), креативность; способность решать задачи, распознавать образы; классифицировать, обучаться, использовать индукцию, дедукцию, построение аналогий, оптимизацию, умения выживать в среде и обрабатывать язык (Hutter, 2010; Hallevy, 2018), самостоятельно совершать когнитивные операции, применять интуицию и стратегическое мышление (Yanisky-Ravid & Liu, 2018; Hallevy, 2018; Suchman & Weber, 2016)⁷. ИИ еще не осознает все эти характеристики, как человек, поскольку не обладает саморефлексивным интеллектом, но во многих областях он уже выдает результаты, которые у человека являются предпосылкой для таких интеллектуальных способностей (Laton, 2016; Russell & Norvig, 2010)⁸.

Машинное обучение также объясняет, почему по мере развития ИИ его онтология становится вероятностной, нелинейной, сложной, непрозрачной и, следовательно, непредсказуемой, что приводит к возникновению фундаментальных неопределенностей, которые были описаны как «эффект черного ящика»; мы не можем быть уверены в том, каким будет результат машинного обучения и действий ИИ⁹. Мы знаем входные данные и видим итог машинного обучения,

⁵ Thomason, R. Logic and Artificial Intelligence. Stanford Encyclopedia of Philosophy. <https://clck.ru/3GEWqZ>

⁶ Там же.

⁷ Camett, J. B., & Heinz, E. (2006, Apr 19). John Koza Built an Invention Machine. Popular Science. <https://clck.ru/3GEWtB>

⁸ Pyle, D., & San Jose, C. (2015, June). An executive's guide to machine learning. McKinsley Quarterly. <https://clck.ru/3GEWuK>

⁹ InFERENCE. (2015, August 13). The Two Kinds of Uncertainty an AI Agent Has to Represent. <https://clck.ru/3GEWvd>

но мы не уверены в том, что находится между ними (Karppi & Crawford, 2016; Van Asselt & Renn, 2011). Автономность и, как следствие, адаптивность – уникальное преимущество искусственного интеллекта, но именно оно таит в себе значительный риск: ИИ часто остается «черным ящиком» (Castelvecchi, 2016).

Несомненно, существуют серьезные разногласия по поводу того, сможет ли искусственный интеллект достичь прорывов, которые приведут его к уровню общего интеллекта и, главным образом, когда это может произойти¹⁰. Тем не менее даже нынешняя узкая автономия ИИ дает преобразующие результаты, в частности, в отношении оригинальной интеллектуальной деятельности, что уже значительно ограничивает или сокращает участие человека в этом процессе (Martinez, 2019).

Дискуссия о том, может ли ИИ проявлять творчество и оригинальность или это исключительно человеческие качества, носит междисциплинарный характер и в значительной мере пока остается без ответа (Hashiguchi, 2017b; Hattenbach & Snyder, 2018)¹¹. В определенной степени ИИ – по крайней мере, тот, который существует в настоящее время, – просто угадывает закономерности и поэтому никогда не сможет быть творческим и оригинальным. С другой стороны, этот подход очень несправедлив, поскольку он не учитывает, что даже в своей ограниченной форме ИИ эмулирует характеристики человеческого разума, включая аспекты творчества. Частично позволяет обойти это онтологическое противоречие (но также дает на него ответ в области права) тот факт, что независимо от того, считаем мы ИИ онтологически творческим или нет, он создает произведения, которые, если бы были созданы людьми, считались бы творческими и, следовательно, защищались бы нормами авторского права.

Таким образом, алгоритмы создают произведения, которые, будучи созданы человеком, подпадали бы под нормы интеллектуальной собственности. Как закон должен относиться к таким произведениям? Должны ли они охраняться Законом об интеллектуальной собственности в интересах физических или юридических лиц или к ним должен быть свободный доступ (Xu et al., 2018)¹²? В следующем разделе мы кратко рассмотрим основы законодательства в области интеллектуальной собственности в целом и соответствующего законодательства ЕС в частности. Затем мы опишем судебные прецеденты, позволяющие оценить влияние искусственного интеллекта на законодательство в области интеллектуальной собственности в целом и на таковое ЕС в частности.

¹⁰ Например, и это достаточно показательно, в то время как многие эксперты рассматривают «генеративный ИИ» как уникальный научный прорыв, другие оценивают его низко, говоря, что ИИ всего лишь предсказывает последовательности на основе обширных данных. Хотя мы не можем точно описать, как именно работает человеческий интеллект, он определенно делает «больше», чем генеративный ИИ.

¹¹ Gottschalk v. Benson, 409 U.S. 63, 67 (1972); Hauser, L. Artificial Intelligence. Internet Encyclopedia of Philosophy. <https://clck.ru/3GEX2y>

¹² Schwab, K. (2015). The Fourth Industrial Revolution: What It Means and How to Respond. <https://clck.ru/3GEX4J>; Xiang, F. (2018). AI Will Spell the End of Capitalism. Available via The Washington Post. <https://clck.ru/3GEX6N>; Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2017). Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. MIT Department of Economics Working Paper, 17-04. <https://clck.ru/3GEX7H>; Yongjun, Xu et al. (2021, November 28). Artificial intelligence: A powerful paradigm for scientific research. The Innovation, 2, 100179.

2. Основы норм в области интеллектуальной собственности и влияние искусственного интеллекта. Взгляд с точки зрения законодательства Европейского союза

Чтобы разобраться в законодательстве об ИИ и интеллектуальной собственности (далее – ИС), сначала необходимо кратко рассмотреть основы законодательства об ИС. Прежде всего, интеллектуальная собственность «...в широком смысле означает юридические права, возникающие в результате интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной и художественной областях»¹³. Закон об интеллектуальной собственности по своей сути очень прост: он преобразует знания и их практическое применение в экономическую ценность (Manderieux, 2010). Предполагается, что он помогает достичь баланса между конкурирующими частными и государственными интересами и регулирует доступ к льготам (Pila & Torremans, 2019).

С точки зрения законодательства об интеллектуальной собственности научные работы относятся к сфере авторского права, а изобретения – к промышленной собственности¹⁴. Согласно определению, изобретения представляют собой новые решения технических проблем, в то время как научные открытия состоят в «признании явлений, свойств или законов материальной вселенной, которые ранее не были признаны и которые подлежат проверке»¹⁵. Базовым элементом интеллектуальной собственности является сочетание творческой, неочевидной, оригинальной идеи или изобретения с их практическим применением в промышленности. Определение соответствия каждому конкретному критерию представляет собой юридическую проблему.

Теоретическими основами норм в области интеллектуальной собственности служат теория труда/бездействия и теория утилитаризма/стимулирования (Khoury, 2017). В первом случае акцент делается на вознаграждении за труд создателя, а во втором – на мотивации создателей к дальнейшей работе над новыми идеями и произведениями (Fisher, 2001)¹⁶. Обе теории основаны на двух фундаментальных предпосылках: во-первых, каждое охраняемое произведение имеет автора-человека и, во-вторых, этот человек должен получить вознаграждение за свою работу.

Концепция защиты интеллектуальной собственности подвергалась критике на том основании, что нормы в области интеллектуальной собственности не несут социальной пользы, способствуют развитию монополий и, следовательно, препятствуют инновационному развитию (Hemel & Ouellette, 2013; Rai, 1999). Кроме того, права

¹³ World Intellectual Property Organization. (2014). WIPO Intellectual Property Handbook. Согласно Конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС), «сфера интеллектуальной собственности включает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям; выступлениям артистов-исполнителей, фонограммам и радиопередачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, коммерческим наименованиям и обозначениям; право на защиту от недобросовестной конкуренции и все другие права, возникающие в результате интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной или художественной областях»; Convention Establishing the World Intellectual Property Organization (as amended on September 28, 1979) (Authentic text). <https://clck.ru/3GEX8a>

¹⁴ Что касается искусственного интеллекта, то законодательство об авторском праве также может быть актуальным, если оно относится к «компьютеризированным системам хранения и поиска информации»; WIPO Intellectual Property Handbook, (2014).

¹⁵ World Intellectual Property Organization. (2014). WIPO Intellectual Property Handbook; The Geneva Treaty on the International Recording of Scientific Discoveries, Article 1.

¹⁶ United Nations The Role of Patents in the Transfer of Technology to Developing Countries. E. 75. II. D. 6, 1975.

интеллектуальной собственности не возникают, как другие права собственности, из-за ограниченности ресурсов, но сами создают эту ограниченность, которая в конечном итоге приводит к снижению благосостояния, по крайней мере, на уровне социума в целом (Krauss, 1989). Если в обществе сильна концепция всеобщего достояния, она служит «двигателем», открывающим для общества новые идеи и изобретения; в то же время защита интеллектуальной собственности исключает или снижает доступность охраняемых произведений, тем самым ограничивая свободный поток идей и их практическое применение (Cohen, 2006; Salzberger, 2006). Общественное достояние – это «океан», а интеллектуальная собственность – «острова», которые в конечном итоге «растворяются» в океане (Khouri, 2017). Таким образом, права интеллектуальной собственности во всех правовых системах всегда должны быть сбалансированы с более широкими общественными интересами, чтобы избежать злоупотребления этими правами: доступ общественности не может несправедливо ограничиваться в пользу какого-либо физического или юридического лица. Это требование становится еще более критичным, когда речь заходит об ИИ и постепенном вытеснении человека из этой цепочки.

Еще одним общим элементом всех правовых систем является то, что они исключают интеллектуальную деятельность из сферы охраны интеллектуальной собственности. Этот вопрос был прояснен на множестве судебных прецедентов, где проводилось важное различие между умственной деятельностью как таковой и умственной деятельностью, имеющей промышленное применение. В первом случае результаты умственной деятельности не подлежат патентованию. Во втором случае они могут быть запатентованы на основании оценки взаимосвязи между умственной деятельностью и ее промышленным применением¹⁷.

По данным Европейского патентного ведомства, существует четыре основных требования к защите интеллектуальной собственности: «должно существовать 'изобретение', 'пригодное для промышленного применения', которое является 'новым' и имеет 'изобретательский уровень'»¹⁸. В правовой системе ЕС именно личность

¹⁷ См. в особенности: (Hashiguchi, 2017a); Elec. Power Group, LLC v. Alstom S.A., 830 F.3d 1350, 1351 (Fed. Cir. 2016), 2351-2359; In re TLI Communications LLC Patent Litigation, 823 F.3d 607-613 (Fed. Cir. 2016); Alice Corp. Pty., 134 S. Ct. at 2354 (citing Ass'n for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, Inc., 133; Enfish, LLC v. Microsoft Corp., 822 F.3d 1327, 1339 (Fed. Cir. 2016); Mayo Collaborative Servs. v. Prometheus Labs., 566 U.S. 66, 77 (2012) («Перед нами стоит вопрос, содержится ли в заявке на изобретение нечто большее, чем просто описание этих естественных взаимосвязей. Если говорить более точно, они лишь констатируют наличие корреляций или в них содержится достаточно дополнительной информации, чтобы описываемые процессы можно было квалифицировать как патентоспособные процессы, основанные на законах природы?»); European Patent Office, Convention On The Grant Of European Patents 108; McRO, Inc. v. Bandai Namco Games Am. Inc., 837 F.3d 1299, 1302-1316 (Fed. Cir. 2016); Fitbit Inc. v. AliphCom, No. 16-cv-00118-BLF (N.D. Cal. Mar. 2, 2017) at 10, 22; Decision of the European Patent Office. (2004, Apr. 21). Technical Board of Appeal, Case T 258/03–3.5.1, Reasons for the Decision, 3.3, 3.7, 4.1, 4.3, 4.4, 4.7. <https://clck.ru/3HrAYg>; In re Sesame Active System, 15/01962, Cour d'Appel de Paris [Court of Appeal of Paris] (26 fevrier 2016 [Feb. 26, 2016]); In re Dassault Systèmes, 14/06444, Cour d'Appel de Paris [Court of Appeal of Paris] (16 décembre 2016 [Dec. 16, 2016]); (Hashiguchi, 2017b); Decision of the European Patent Office. (1988, Oct. 5). Technical Board of Appeal, Case T 22/85–3.5.1, Reasons for the Decision, 5. <https://clck.ru/3HrAYg>; Decision of the European Patent Office. (1995, Jan. 20). Technical Board of Appeal, Case T 0605/93-3.5.1, 5.3, 5.7. Reasons for the Decision, 5.9. <https://clck.ru/3HrAYg>. Кроме того, нормы интеллектуальной собственности не применяются к изобретениям, использующим законы природы; S. Ct. 2107, 2116 (2013); Mayo Collaborative Servs. v. Prometheus Labs., Inc., 132 S. Ct. 1289, 1293 (2012)).

¹⁸ European Patent Office. Patentability requirements. <https://clck.ru/3HrAEr>; European Patent Office, Convention on the Grant of European Patents 108 (16th ed., 2016, June). <https://clck.ru/3HrAKW> (компиляция статей Европейской патентной конвенции).

автора защищена законами об авторском праве¹⁹ (Kur et al., 2013). Личность автора и креативность, которую он демонстрирует, представляют собой синтез, результатом которого является оригинальность произведения (Hugenholtz & Quintais, 2021). Уровень креативности оценивается индивидуально и на основе общих рекомендаций (van Gompel, 2014). Не подвергается сомнению, что в отсутствие личности автора дальнейшая оценка теряет смысл²⁰.

То, что защита личности автора составляет основу законодательства ЕС об авторском праве, очевидно из целого ряда норм: произведение не может быть изменено или искажено без разрешения автора, независимо от возможного факта передачи авторских прав²¹; оно должно быть связано с именем автора; опубликование произведения без разрешения автора запрещено; автор сохраняет за собой право отозвать свое произведение²². Эти элементы, по сути, составляют теоретическую основу естественного права ЕС (Holst, 2006; Adler, 2009).

Согласно законодательству ЕС и в частности решениям Европейского суда, понятие оригинальности увязывается с «собственным интеллектуальным творчеством автора» и, следовательно, по умолчанию – с авторством человека (van Eechoud, 2012). За короткий период времени, с 2009 по 2012 г., Европейский суд вынес пять решений о связи понятий оригинальности и авторства²³. В этих решениях было разъяснено, что оригинальность заключается в «собственном интеллектуальном творчестве автора», которое предполагает свободный творческий выбор.

¹⁹ Lundstedt, L. (2016). Territoriality in intellectual property law: a comparative study of the interpretation and operation of the territoriality principle in the resolution of transborder intellectual property infringement disputes with respect to international civil jurisdiction, applicable law and the territorial scope of application of substantive intellectual property law in the European Union and United States: Doctoral dissertation. Stockholm University.

²⁰ Следует подчеркнуть, что ЕС не обладает исключительными полномочиями по разработке законодательства в области интеллектуальной собственности; (Kur et al., 2013); European Commission, Shaping Europe's digital future, The EU copyright; Directive 2009/24/EC of 23 April 2009 on the legal protection of computer programs, article 1(3)), Directive 96/9 of 11 March 1996 on the legal protection of databases, article 3(1)), Directive 2006/116/EC of 12 December 2006 on the term of protection of copyright and certain related rights, article 6; Case C-277/10 – Martin Luksan v. Petrus van der Let (2012) ECLI:EU:C:2012:65 (Luksan), para. 59, and Case C-310/17 – Levola Hengelo BV v. Smilde Foods BV (2018) ECLI:EU:C:2018:899 (Levola Hengelo), paras. 38–39 legislation. <https://clck.ru/3GEXR2>; Бернская конвенция, помимо прочего, упрощает процедуры защиты авторских прав, устанавливает минимальный срок охраны и защищает личные неимущественные права авторов; Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, Sept. 9, 1886, as last amended, July 24, 1971 European Commission, Commission adopts Action Plan on Intellectual Property to strengthen EU's economic resilience and recovery. <https://clck.ru/3GEXRY>

²¹ (Hansmann & Santilli, 1997). В сфере охраны авторских прав существуют исключения во имя общественных интересов в целях развития науки, образования и культуры, а также в отношении данных и интеллектуального анализа данных, осуществляемого «исследовательскими организациями и учреждениями культурного наследия для проведения научных исследований». The InfoSoc Directive, Art. 5; Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC [2019] OJ L 130/92 -DSM Directive.

²² Там же.

²³ Infopaq International v. Danske Dagblades Forening [2009]; Bezpečnostní softwarová asociace v. Ministerstvo kultury [2010]; Football Association Premier League v. QC Leisure and Karen Murphy v. Media Protection Services [2011]; Eva-Maria Painer v. Standard VerlagsGmbH [2011]; Football Dataco v. Yahoo! [2012].

Такого выбора не происходит, когда соответствующие методы, функции или правила требуют от автора выражать свои идеи только одним определенным способом, не оставляя возможностей для свободного выбора. Креативность и свободный выбор – это, по сути, качественные, а не количественные характеристики. Важны не усилия, которые вкладываются в каждое произведение, а уровень креативности, который неотделим от свободы выбора²⁴. Это относится как к традиционным произведениям, так и к работам, основанным на новых технологиях²⁵.

До появления искусственного интеллекта авторство, очевидно, принадлежало человеку. Этот аспект был обусловлен тем фактом, что творчество, как и свобода выбора, предполагает наличие интеллектуальных способностей и, очевидно, является сферой человеческой деятельности²⁶. Поскольку право интеллектуальной собственности защищает личность автора, какая личность должна быть защищена, если

²⁴ «Значительные трудозатраты и квалификация, необходимые для создания этой базы данных, сами по себе не могут служить основанием для такой защиты, если они не отражают какой-либо оригинальности в выборе или расположении данных, содержащихся в этой базе» (Football Dataco v Yahoo [2012], 53(1)).

²⁵ Конкретный необходимый уровень оригинальности определяется каждым государством-членом. Directive 98/71/EC of 13 October 1998 on the legal protection of designs, article 17; Regulation (EC) No. 6/2002 of 12 December 2001 on community designs, article 96; Computer Programs Directive, recital 8: «Критерии для определения оригинальности компьютерной программы не должны касаться качественных или эстетических достоинств программы». Ramalho, A. (2019). Originality redux: an analysis of the originality requirement in AI-generated works. AIDA, 9; (Ricketson & Ginsburg, 2005); Case C-5/08 Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening [2009] ECR I-6569, ECLI:EU:C:2009:465, para. 37; Case C-393/09 Bezpečnostní softwarová asociace – Svaz softwarové ochrany v. Ministerstvo kultury [2010], ECR I-13971, ECLI:EU:C:2010:816, para. 45; Joined Cases C-403/08 and C-429/08, Football Association Premier League v. QC Leisure and Karen Murphy v. Media Protection Services Ltd [2011] ECR I-09083, ECLI:EU:C:2011:631, para. 97; Guide to the Berne Convention (1978), 17–18; (Hutukka, 2023).

²⁶ Степень креативности варьируется в различных правовых системах, при этом порог может быть выше (как, например, в США) или ниже в зависимости от правовой системы и традиций. Решение по делу Painer о фотопортрете гласило, что автор «может делать свободный и творческий выбор несколькими способами и на различных этапах создания произведения. <...> Делая различные выборы, автор портретной фотографии может придать созданному произведению 'индивидуальность'. Следовательно, что касается портретной фотографии, то свобода, предоставляемая автору в реализации его творческих способностей, не обязательно будет незначительной или даже вовсе отсутствующей». В деле Cofemel суд постановил, что «для того, чтобы произведение можно было рассматривать как оригинальное, необходимо и достаточно, чтобы оно отражало личность его автора как выражение его свободного творческого выбора». Feist Publications v. Rural Telephone Service 499 U.S. 340 (1991), 346; CCH Canadian v. Law Society of Upper Canada [2004] 1 S.C.R. 339; Case C-145/10 – Painer, paras. 90–93; Case C-145/10 – Painer, para. 92; Case C-683/17 – Cofemel, para. 30; Case C-5/08 Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening [2009] ECR I-6569; ECLI:EU:C:2009:465, para. 37; Case C-393/09 Bezpečnostní softwarová asociace – Svaz softwarové ochrany v. Ministerstvo kultury [2010], ECR I-13971, ECLI:EU:C:2010:816, para. 45; Joined Cases C-403/08 and C-429/08, Football Association Premier League v. QC Leisure and Karen Murphy v. Media Protection Services Ltd. [2011] ECR I-09083, ECLI:EU:C:2011:631, para. 97; Case C-604/10 Football Dataco and Others v. Yahoo! UK Ltd. and Others [2012]; ECLI:EU:C:2012:115, para. 38; Case C-5/08 Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening [2009] ECR I-6569, ECLI:EU:C:2009:465, para. 45; Case C-393/09 Bezpečnostní softwarová asociace – Svaz softwarové ochrany v. Ministerstvo kultury [2010], ECR I-13971, ECLI:EU:C:2010:816, para. 50; Case C-145/10 Eva-Maria Painer v. Standard VerlagsGmbH and Others [2011] ECLI:EU:C:2011:798, paras. 89, 92; отметим, что под оригинальностью понимается состояние, при котором работа не является копией, но представляет собой результат «мастерства, суждения и/или работы» (Bently & Sherman, 2014).

автора-человека нет?²⁷ Теперь в эти отношения вступает искусственный интеллект, и все эти самоочевидные до недавнего времени факты проверяются с точки зрения его влияния.

Как уже говорилось, развитие технологий привело к фундаментальному пересмотру традиционной концепции авторства еще до появления искусственного интеллекта. Начиная с Зеленой книги 1988 г. и заканчивая Директивой 91/250/ЕЕС от 14 мая 1991 г. о правовой охране программного обеспечения вопрос авторства человека постепенно становится предметом дискуссий (Walter & von Lewinski, 2010). До появления искусственного интеллекта не было особых сомнений в антропоцентризме авторства. Компьютеры – это «автоматы», но не автономные устройства. Однако ИИ, благодаря разнообразным приложениям, может выполнять такую работу, которая до эпохи ИИ могла быть результатом только человеческого интеллекта (Hugenholtz & Quintais, 2021). Даже существующий в настоящее время слабый искусственный интеллект (Artificial Narrow Intelligence, ANI) может создавать произведения практически во всех сферах человеческого творчества и интеллектуальной деятельности (Senftleben & Buijtelaar, 2020; Gervais, 2019; Senftleben & Buijtelaar, 2020; Butler, 1982).

Учитывая, что участие человека в процессе создания снижается, линейная причинно-следственная связь между человеческим «разумом», стоящим за алгоритмом искусственного интеллекта, и конечным изобретением или работой сублимируется, по крайней мере, в значительной степени, а возможно, уже и полностью. Как же оценить этот факт, чтобы решить, следует обеспечивать защиту авторских прав или нет (Hashiguchi, 2017a)? Когда вознаграждение человека за произведение, созданное искусственным интеллектом, уже становится несправедливым (Spector, 2006; Jaszi, 1992; Grinmelmann, 2016)²⁸?

²⁷ Например, см. дело InfoSoc относительно юридических лиц, которое рассматривал Европейский суд. Еще более четко эту позицию выразила генеральный адвокат Trstenjak в деле Painer, напрямую связав нормы интеллектуальной собственности с человеком: «Таким образом, защищены только творения человека...»; Case C-277/10 – Luksan; Case C-572/13 – Hewlett-Packard Belgium SPRL v. Reprobel SCRL (2015); ECLI:EU:C:2015:750 (Reprobel); Opinion AG Trstenjak in Case C-145/10 – Painer, para. 121. Того же подхода придерживается Бюро по вопросам авторского права в США: «Произведения, созданные машиной или посредством простого механического процесса, который действует случайным образом или автоматически без какого-либо творческого вклада или вмешательства автора-человека»; USPTO, Compendium of U.S. Copyright Office Practices § 101 (3rd edn. 2017). <https://clck.ru/3GEXSn>, Arts. 306 and 313(2).

²⁸ Sloman, A. (2007). What is Artificial Intelligence?, School of Computer Science The University of Birmingham. <https://clck.ru/3Hr9gj>; Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony, III U.S. 53 (1884); Midway Mfg. Co. v. Artic Intern., Inc., 704 F. 2d 1009, 1011 (7d Cir. 1983). Еще в 1965 году в США Реестр авторских прав представил Конгрессу отчет о работах, сгенерированных компьютером, в котором поднимался вопрос об авторском праве. Созданная в то время Национальная комиссия по новым технологиям использования произведений, охраняемых авторским правом, постановила, что компьютеры ничем не отличаются от фотоаппаратов или пишущих машинок, а авторские права должны принадлежать только пользователю. U.S. COPYRIGHT OFFICE, SIXTY-EIGHTH ANNUAL REPORT OF THE REGISTER OF COPYRIGHTS 5 (1965). <https://clck.ru/3GEo8C>; NAT'L COMM'N ON NEW TECH. USES OF COPYRIGHTED WORKS, FINAL REPORT OF THE NATIONAL COMMISSION ON NEW TECHNOLOGICAL USES OF COPYRIGHTED WORKS 44-45 (1978). <https://clck.ru/3GEXrV>; Arsheeya Bajwa. IBM beats profit estimates as AI shift boosts software performance, shares surge. (2025, January 30). Reuters. <https://clck.ru/3HK9es>; van den Oord, A., et al. (2016, Sept. 8). WaveNet: A Generative Model for Raw Audio. arXiv. <https://clck.ru/3HK9hP>; Mordvintsev, A. et al. (2015, June 17). Inceptionism: Going Deeper into Neural Networks, GOOGLE RES. BLOG. <https://clck.ru/3HK9ip>; (Hashiguchi, 2017a).

В этом контексте ряд международных судебных решений помогают лучше проработать наш подход к влиянию искусственного интеллекта на требование, что автор должен быть защищен в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности.

3. Судебные прецеденты, в которых оценивается влияние искусственного интеллекта на законодательство об авторском праве

Соответствующие судебные прецеденты существуют как в государствах – членах ЕС, так и на международном уровне. Их изучение поможет прояснить взаимосвязь между ИИ и защитой интеллектуальной собственности в целом и в соответствии с законодательством ЕС.

Так, в США окружной суд Колумбии постановил, что художественное произведение, полностью созданное с помощью искусственного интеллекта без какого-либо участия человека, не подлежит защите авторским правом из-за отсутствия авторства человека. Дело было возбуждено после того, как владелец компьютерной системы под названием Creativity Machine потребовал зарегистрировать для защиты авторских прав изображение, созданное искусственным интеллектом, а затем передать ему авторские права, поскольку он являлся владельцем системы. Управление по вопросам авторских прав США отказало в защите авторских прав из-за отсутствия авторства человека. Истец сослался на доктрину «наемного труда» общего права. Суд постановил, что этот аргумент относится к «тому, на кого должны быть зарегистрированы действующие авторские права, т. е. ставит телегу впереди лошади». Далее решение суда гласит, что «авторское право должно адаптироваться в соответствии с требованиями времени. Однако эта адаптивность должна основываться на последовательном понимании того, что обязательным условием соблюдения авторских прав является человеческое творчество, даже если оно реализуется посредством новых инструментов или новых средств массовой информации»²⁹.

В другом деле Управление по вопросам авторских прав США пришло к выводу, что заявка на регистрацию контента, созданного с помощью искусственного интеллекта, не содержит информации о подготовке или идентификации произведения, а также о существовании, владении или сроке действия авторских прав. Поэтому в регистрации произведения, сгенерированного ИИ, было отказано в соответствии с нормами авторского права. В частности, было установлено, что «доля контента, сгенерированного искусственным интеллектом (ИИ), в произведении превышает минимальную, и этот контент не может фигурировать в заявке на регистрацию»³⁰. Оцениваемая работа подверглась улучшению человеком, заявившим о защите авторских прав, но комиссия установила, что защита авторских прав не может быть обеспечена, поскольку указанное лицо отказалось исключить из заявки материалы, созданные ИИ, и их доля превысила допустимый минимум объема контента, сгенерированного ИИ. Решение комиссии подтвердило вывод по делу *Thaler v. Perlmutter* о том, что «авторство человека является основополагающим требованием авторского

²⁹ US District Court For The District Of Columbia, *Stephen Thaler v Shira Perlmutter*, Case 1:22-cv-01564-BAH Document 24 Filed 08/18/23, at pp. 7, 8.

³⁰ United States Copyright Office, Second Request for Reconsideration for Refusal to Register *Théâtre D'opéra Spatial* (SR # 1-11743923581; Correspondence ID: 1-5T5320R), (2023, September 5).

права»³¹. Комиссия сослалась также на другое известное дело, *Urantia Found v. Kristen Maaherra*. В нем суд постановил: «чтобы Библия была защищена авторским правом, в ней должен присутствовать какой-то элемент человеческого творчества», но «законодательство об авторском праве не предназначено для защиты творений божественных существ»³².

Управление по вопросам авторских прав США последовательно придерживается мнения, что авторство человека является фундаментальным требованием для защиты авторских прав. В соответствии с этим подходом оно выпустило официальное руководство, согласно которому основной вопрос заключается в том, «является ли рассматриваемая работа преимущественно произведением человеческого авторства, а компьютер [или другое устройство] выступают лишь вспомогательным инструментом или же традиционные элементы авторства (литературное, художественное или музыкальное произведение или его элементы, их компоновка и т. д.) были задуманы и выполнены не человеком, а машиной»³³.

Управление по патентам и товарным знакам США (United States Patent and Trademark Office, USPTO) выпустило Руководство по изобретениям с использованием искусственного интеллекта, вступившее в силу 13 февраля 2024 г., которое устанавливает правила совместной работы человека и ИИ над изобретениями с использованием искусственного интеллекта. В тех случаях, когда человек и генеративный ИИ играют важную роль в создании изобретения, они считаются соавторами. Однако ИИ не может получить защиту как изобретатель, поэтому ключевым становится вопрос, указано ли в данной патентной заявке «по крайней мере, одно физическое лицо», внесшее «значительный вклад в изобретение». Только в этом случае заявка будет удовлетворять критериям совместного изобретательства *Pannu*, которые необходимы для установления авторства. Если же она не удовлетворяет этим критериям, то изобретение не может быть запатентовано, поскольку в заявке не указан ни один изобретатель»³⁴.

Таким образом, для обеспечения защиты интеллектуальной собственности в рамках совместной работы человека и ИИ человек – соавтор изобретения должен доказать, что он одновременно и в решающей степени участвовал как в разработке концепции, так и в промышленном применении изобретения, а не только в одном из этих двух аспектов. Рекомендации USPTO особенно полезны в таких случаях, как, например, когда человек просто выступает владельцем системы искусственного интеллекта и ставит ей задачи для решения. Результат таких действий не подпадает под защиту интеллектуальной собственности. Напротив, проектирование, создание и обучение ИИ для решения конкретной задачи, а также активное участие человека в процессе такого решения могут привести к признанию авторства изобретателя»³⁵.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence, 88 Fed. Reg. 16,190, 16,192 (Mar. 16, 2023) (“AI Registration Guidance”).

³⁴ Факторы *Pannu* (*Pannu*) включают: значимый вклад в разработку концепции и материализацию изобретения, значимый качественный вклад и оригинальность/креативность; последнее понятие состоит в том, чтобы выйти за пределы простого объяснения известных концепций. Katsulis, A. (2024, May 14). Clarifying AI and inventorship: USPTO’s guidance for AI-assisted inventions. Inside Tech Law. <https://clck.ru/3GEY7Q>

³⁵ Там же.

Вышеупомянутые руководящие принципы совпали с прецедентом по делу *Thaler v Vidal*, в котором суд отказал в признании ИИ автором изобретения³⁶.

Значительный вклад в вопросы ИИ и интеллектуальной собственности внесли решения судов и органов власти США: изобретения, основанные на ИИ, в принципе исключены из сферы охраны интеллектуальной собственности. Речь идет не о фактической способности ИИ изобретать, а о его потенциальной защите в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности. Такая защита возможна только после тщательного количественного и качественного анализа каждого индивидуального случая, оценки роли человеческого фактора и работы искусственного интеллекта³⁷.

Интернет-суд Пекина частично дистанцировался от вышеупомянутой аргументации в аналогичном деле³⁸. Суд провел количественную оценку взаимосвязи между работой человека и ИИ, но пришел к выводу, что произведение подлежит защите авторским правом, поскольку является оригинальным. Его оригинальность обусловлена «использованием многочисленных положительных и отрицательных промптов, а также корректировок, внесенных пользователем для выбора итогового изображения, соответствующего его ожиданиям»³⁹. Суд постановил, что, несмотря на участие искусственного интеллекта, изображение, созданное с его помощью, «отражает индивидуальную креативность истца и его эстетический выбор, сделанный в процессе создания». Творческий интеллектуальный вклад истца включал в себя разработку дизайна, выбор промптов, настройку параметров во время создания изображения, внесение изменений и корректировку итогового изображения несколько раз, пока он не получил окончательное изображение, соответствующее его ожиданиям. В свете вышеизложенного суд пришел к выводу, что «модели искусственного интеллекта не обладают правосубъектностью, и люди остаются создателями произведений, выполненных с использованием этой технологии»⁴⁰.

Европейский суд пришел к довольно спорному выводу в этом отношении. С одной стороны, он поддерживает оценку степени влияния человеческого интеллекта на производимую работу в каждом конкретном случае, но с другой – он значительно снизил порог необходимого участия человека. Таким образом, хотя это и не отрицает предпосылку авторства человека в принципе, но существенно снижает ее значение. Кроме того, тот факт, что ИИ не обладает правосубъектностью, не должен означать, что авторское право автоматически переходит к его владельцу-человеку. Проблематичность снижения порога необходимого участия человека становится понятной на основе важнейшего принципа защиты интеллектуальной собственности,

³⁶ *Thaler v. Vidal*, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022).

³⁷ Канадское ведомство по вопросам интеллектуальной собственности (Canadian Intellectual Property Office, CIPO) пошло по аналогичному пути, но несколько двусмысленным образом. С одной стороны, оно постановило, что ИИ не может быть изобретателем, а с другой – предоставило лазейку, предложив заявителю подать заявление от имени системы искусственного интеллекта и идентифицировать себя как ее законного представителя ИИ.

³⁸ US and Chine pioneer in the evolution of AI. Their Courts' decisions therefore are points of reference.

³⁹ European Union Intellectual Property Office. (2024, May). Recent European Case-Law On The Infringement And Enforcement Of Intellectual Property Rights, at pp. 5–6.

⁴⁰ Там же, at p. 5.

касающегося личности человека, о чем, в частности, свидетельствует недавнее дело *Lithoss Nv vs Vimar S.P.A. and Vecolux B.V.*⁴¹ В доводах Пекинского суда, по-видимому, ошибочно путают автоматизацию и автономию. Кроме того, возможна своеобразная «манипуляция» истинной онтологией ИИ с целью не поставить под угрозу защиту интеллектуальной собственности и получение прибыли в будущем.

Тем не менее китайские суды также принимают решения, которые в большей степени соответствуют целям норм в области прав интеллектуальной собственности и их возникновению в результате авторства человека. Так, интернет-суд Пекина постановил в деле *Beijing Film Law Firm vs Beijing Baidu Netcom Science & Technology Co Ltd (Film)*, что создание произведения физическими лицами является необходимым условием для защиты в соответствии с китайским законодательством об авторском праве. В этом случае произведение, созданное ИИ, не должно охраняться законом об авторском праве, независимо от его оригинальности (Yong & Hongxuyang, 2021).

Не во всех государствах законы об авторском праве и судебные прецеденты следуют той же логике, что и в США и ЕС, или, по крайней мере, это происходит не всегда. Так, Великобритания, Южно-Африканская Республика, Новая Зеландия, Ирландия и Индия признали возможность защиты авторских прав на произведения, созданные компьютером без какого-либо вмешательства человека. Согласно решению Высокого суда Англии и Уэльса (*High Court of Justice*), комбинированные кадры в видеоигре, созданные компьютерной программой, являются произведениями компьютера, поскольку программное обеспечение создает их путем наложения цифровых изображений шаров и кия на изображение бильярдного стола⁴². «В случае литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера, автором считается лицо, которое принимает необходимые действия для создания произведения»⁴³. Хотя суды Великобритании в некоторой степени снижают уровень защиты авторских прав в вышеупомянутых делах и, соответственно, последующую выгоду от защиты авторских прав, тем не менее в этом случае была применена юридически и этически неоправданная норма, т. е. прибыль и право собственности были присуждены людям, которые не доказали своего реального авторства. Такой подход представляет собой нарушение как норм и прав интеллектуальной собственности, так и отношений между работодателем и работником, учитывая, как упоминалось ранее, что машины – это не работники, а принадлежащая кому-то технология, т. е. часть капитала (Hristov, 2017).

Тем не менее в деле *Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks vs Emotional Perception AI Ltd* Апелляционный суд Англии отменил предыдущую аргументацию и постановил, что искусственная нейронная сеть (*Artificial Neural Network, ANN*) не является патентоспособной. Суд рассмотрел три вопроса: является ли ANN «компьютером»? Если это компьютер, то является ли ANN программой для компьютера «как таковой» по смыслу раздела 1(2) Закона о патентах 1977 г. (это означает, что она будет исключена из сферы патентоспособности, если следующий пункт

⁴¹ Antwerp Court of Appeal, 2021/AR/1900, LITHOSS NV v VIMAR S.p.A. and VECOLUX BV [13 September 2023].

⁴² Nova Productions v. Mazooma Games, [2006] EWHC 24 (Ch) (UK).

⁴³ Copyright, Designs, and Patents Act 1988, c.48 §§ 12(7), 79(2), 81(2).

также окажется неприменимым)? Если ANN является программой для компьютера, то можно ли тем не менее исключить ее из числа компьютерных программ (и, следовательно, запатентовать), поскольку она внесла «технический вклад», выходящий за пределы этой программы?»⁴⁴ Суд пришел к выводу, что ANN – это компьютер, функционирующий как компьютерная программа, и его рекомендации носят не технический, а эстетический характер. В этом смысле Апелляционный суд «внес поправку» в прецедент Высокого суда, постановив, что произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, не могут получить защиту по законодательству об интеллектуальной собственности.

Федеральный суд Австралии в деле Thaler 2022 г. также пришел к выводу, что ИИ не может быть признан автором изобретения⁴⁵. Суд постановил, что только физические лица могут быть названы «изобретателями» и что необходимо наличие юридических отношений между изобретателем-человеком «...и лицом, впервые получившим право на грант, что юридически невозможно в... случае, когда предполагаемый изобретатель не является юридическим лицом и, следовательно, не может влиять на выполнение задания»⁴⁶.

Федеральный суд Германии (Bundesgerichtshof, BGH) по делу DABUS принял важное решение, хотя и с сомнительным силлогизмом. Согласно этому решению, только физические лица могут считаться изобретателями в соответствии с Законом о защите интеллектуальной собственности. Немецкий суд пришел к трем важным выводам. Во-первых, ИИ не может быть изобретателем. Во-вторых, каждое изобретение, созданное ИИ, основано на человеческом вкладе определенного уровня, который, даже если не является изобретательским или существенным, позволяет считать человека автором изобретения при условии, что именно он обладает решающим влиянием. В-третьих, патентная заявка не должна содержать противоречивых утверждений, но должна четко указывать, было ли изобретение создано человеком или искусственным интеллектом⁴⁷. Это решение имеет основополагающее значение, но в то же время вызывает недоумение у определенной части судебной системы. На самом деле именно поэтому оно и имеет основополагающее значение.

Суд перепутал признание ИИ в качестве изобретателя в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности с фактической способностью создавать изобретения. В этом смысле он перепутал право с онтологией. Реальная способность ИИ создавать изобретения почти не подвергается сомнению. Однако суд в своем решении, по-видимому, попытался проигнорировать эту способность ИИ, лишить ИИ реальной способности изобретать, а затем на основании вышеуказанной ложной концепции приписать авторство человеку, даже если его фактическое участие второстепенно или незначительно. Суд утверждает, что достаточно лишь формального упоминания человека в качестве изобретателя. Эта попытка

⁴⁴ Maloshchinskaia, P. (2024, July). Artificial intelligence: English Court of Appeal decides artificial neural network is not patentable. Inside Tech Law. <https://clck.ru/3GEY92>

⁴⁵ Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 (Thaler FC).

⁴⁶ O'Brien, J., & Taylor, I. (2022, May 5). Demise of the machines: Full Court of the Federal Court of Australia overturns ruling on AI as a patent 'inventor'. Inside Tech Law. <https://clck.ru/3GEYAf>

⁴⁷ Kalhor-Witzel, R. (2024, July). Germany: AI cannot be named as inventor – insights from the Bundesgerichtshof's DABUS decision, Norton Rose Fulbright. <https://clck.ru/3GEYCa>

придерживаться традиционного подхода к праву интеллектуальной собственности, не принимая во внимание происходящие изменения, приводит к злоупотреблению правами и несправедливому ограничению доступа общественности к преимуществам искусственного интеллекта. Проблема заключается не в том, что суд не признает ИИ автором изобретения в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности, а в том, что он настаивает на признании таковым человека независимо от фактической роли последнего в изобретении. Результатом такого подхода является ограничение доступа общественности к изобретению, хотя на самом деле нет человеческой личности, нуждающейся в защите. В этом смысле это решение противоречит подходу законодательства ЕС, ориентированному на естественное право, которое утверждает необходимость защиты личности человека, действительно создавшего нечто оригинальное благодаря своему творческому мышлению.

Чешский суд вынес историческое решение, соответствующее требованию об авторстве человека. Дело рассматривалось муниципальным судом Праги. Истец использовал программу искусственного интеллекта DALL-E для создания изображения по запросу: «Создать визуальное изображение двух сторон, подписывающих деловой контракт в официальной обстановке, такой как конференц-зал или офис юридической фирмы в Праге; показать руки»⁴⁸. Изображение было использовано истцом на его веб-сайте, а затем скопировано и опубликовано ответчиком без его разрешения. Истец не оспаривал, что изображение создал искусственный интеллект, но утверждал, что должен быть защищен авторским правом как лицо, поставившее задачу для ИИ. Суд отклонил его доводы, приняв решение о том, что, во-первых, ИИ не может быть признан автором, а во-вторых, в действиях истца не было уникального творческого начала. Пражский суд весьма категорично постановил, что работа, созданная с помощью искусственного интеллекта, не является «произведением», поскольку она не является уникальным результатом творческой концепции физического лица. Согласно решению суда, «авторское право – это абсолютное право, принадлежащее физическому лицу. Если изображение, о котором идет речь, было создано не лично заявителем, а искусственным интеллектом, оно по определению не может быть произведением, защищенным авторским правом»⁴⁹.

Вся вышеприведенная судебная практика, несмотря на свои внутренние противоречия, наглядно демонстрирует то, как изобретения, ориентированные на ИИ или созданные ИИ, влияют на международные нормы в области интеллектуальной собственности, и в частности, на нормы законодательства ЕС. Первый и основополагающий момент заключается в том, что защита авторских прав гарантируется исключительно авторам-людям. Это непреходящая и общая международная основа права интеллектуальной собственности. Характерным в этом отношении является прецедент, возникший до эры искусственного интеллекта в деле *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*, в котором суд постановил, что решающим фактором для защиты авторских прав является оригинальность идей автора. Определение термина «автор», по мнению суда, является антропоцентрическим, поскольку авторское право характеризуется как «исключительное право человека на продукт своего собственного

⁴⁸ Czech court finds AI tool cannot be an author of a copyright work. <https://goo.su/MQNOed>

⁴⁹ Novagraaf Team. (2024, May 1). AI and copyright: First ruling from a European court, Novagraaf. <https://clck.ru/3GEYFv>

гения или интеллекта»⁵⁰. Этому определению следовали как в эпоху автоматизации, так и в эпоху автономии, т. е. в эпоху искусственного интеллекта.

Главный вопрос заключается в том, может ли физическое лицо быть защищено как автор произведения, созданного с помощью искусственного интеллекта. Здесь можно найти различные подходы. Общая черта прецедентного права из разных правовых систем заключается в том, что авторское право не признается автоматически за физическим лицом, владеющим системой искусственного интеллекта. В некоторых правовых системах, главным образом в США и ЕС, существует требование о существенном вкладе физического лица в изобретение как с точки зрения его концепции, так и с точки зрения его промышленного применения. Только в этом случае он может быть признан в качестве соавтора изобретения. В других правовых системах, как мы уже отмечали, защиту интеллектуальной собственности можно обеспечить даже при минимальном участии физического лица. Однако в любом случае оценка степени участия человека, независимо от того, требуется ли более высокий или более низкий уровень вклада, также является общей для различных правовых систем.

Чтобы оценить роль этих судебных прецедентов в прояснении позиции законодательства ЕС, мы должны иметь в виду, что защита авторских прав в соответствии с законодательством ЕС основана на теориях естественного права. Защита интеллектуальной собственности существует не в силу умозрительных причин, а для материального вознаграждения личности автора и, более конкретно, его творчества. При отсутствии этого элемента не существует моральной и правовой основы для защиты авторских прав в целом и особенно в соответствии с законодательством ЕС (Sobel, 2017). В принципе, нет никакого смысла защищать творения, созданные искусственным интеллектом, в соответствии с нормами интеллектуальной собственности. Передача физическому лицу прав на произведение, которое не включает в себя его творческие способности, представляет собой нарушение норм интеллектуальной собственности, поскольку физическое или юридическое лицо будет извлекать выгоду, ограничивая доступ широкой общественности к произведению, автором которого не является человек.

Чтобы еще лучше понять, насколько несбалансированным и непропорциональным является присвоение таких прав, необходимо также учитывать роль машинного обучения, которое в значительной степени превращает искусственный интеллект в социальный проект, учитывая, что машинное обучение проводится на основе коллективных больших данных, создаваемых всеми нами.

Кроме того, нормы в области интеллектуальной собственности по определению не предназначены для того, чтобы создавать ситуацию «курицы, несущей золотые яйца», или непропорционально ограничивать доступ и интересы общественности. Право интеллектуальной собственности предназначено для защиты творческого потенциала каждого конкретного человека-автора, позволяющего создавать оригинальные произведения с промышленным применением как «острова» в «океане» общедоступных знаний и приложений.

Определение креативности в законодательстве ЕС также заслуживает внимания в сочетании с вышеупомянутыми судебными прецедентами. Европейский суд по правам человека говорит о «...творческих способностях [автора] в создании

⁵⁰ Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony, 111 U.S. 53, 54, 56, 58, 61 (1884).

произведения путем осуществления свободного и креативного выбора»⁵¹. Слово «свободный» подразумевает «автономию». С такой точки зрения ИИ уже может, по крайней мере до некоторой степени, делать выбор, который, если бы его делал человек, считался бы свободным выбором и, следовательно, был бы творческим. В этом случае нет никакого человеческого творчества, которое должно вознаграждаться (Ginsburg & Budiardjo, 2019). Есть только творчество ИИ, которое исключено из сферы защиты интеллектуальной собственности.

Попытка «обойти» факт отсутствия участия человека является одним из аргументов в пользу пересмотра определения понятий работодателя и работника (Hristov, 2017). В соответствии с этим подходом отношения между человеком – владельцем ИИ и самим ИИ рассматриваются как своего рода отношения между работодателем и работником. Однако проблема сохраняется: не существует личности человека, которая была бы основным, а тем более единственным автором произведения, защищенного авторским правом, и, следовательно, ничто не подлежит защите в соответствии с нормами охраны интеллектуальной собственности. Защита авторских прав независимо от отсутствия автора-человека представляла бы собой просто злоупотребление этим правом. Все очень просто: основы защиты авторских прав на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, отсутствуют, поскольку невозможно определить личность автора-человека. Авторское право представляет собой антропоцентрическую концепцию (Zurth, 2021). В суде США рассматривалось характерное дело по поводу авторских прав на фотографию, на которую кликнула обезьяна. В решении было очень четко указано, что только авторство человека может быть защищено Законом об авторском праве: «Мы приходим к выводу, что эта обезьяна – как и все животные, поскольку они не являются людьми, – не имеет законного статуса в соответствии с Законом об авторском праве»⁵².

Более того, наделение машин статусом наемных работников является простым произволом. Все типы машин, по крайней мере до тех пор, пока они не достигнут уровня развития общего или сверхинтеллекта или уровня, эквивалентного уровню полностью автономного юридического лица, рассматриваются как часть капитала. Европейский суд также поддержал вышеупомянутый подход: необходимым условием защиты авторских прав является проявление автором «творческих способностей при создании произведения путем свободного и творческого выбора»⁵³. Свободный и творческий выбор делает не владелец ИИ, а тот, кто генерирует идею и создает оригинальную работу.

В конце концов, согласно законодательству ЕС и прецедентам Европейского суда, нет никаких сомнений в связи между личностью автора и интеллектуальной собственностью; любое произведение считается оригинальным, если оно является

⁵¹ Case C-469/17 – Funke Medien, para. 19; Case C-145/10 – Painer, paras. 87–88.

⁵² *Naruto v. Slater*, 888 F.3d 418, 420 (9th Cir. 2018”).

⁵³ Case C-145/10, *Painer v. Standard VerlagsGmbH*, 2011 E.C.R. I-12594, 89; see also Case C-604/10, *Football Dataco Ltd. v. Yahoo! UK Ltd.*, ECLI:EU:C:2012:115, 38 (Mar. 1, 2012).

«собственным интеллектуальным творением автора»⁵⁴. Даже профессиональные навыки и труд являются второстепенными по сравнению с элементом «печати личности». Сами по себе они не могут служить основанием для охраны, но являются элементами более широкой системы защиты интеллектуальной собственности⁵⁵. Потенциальная защита работ, созданных ИИ, в соответствии с Законом об авторском праве представляет собой нарушение принципа *alterum non laedere* («не навреди»): доступ общественности к преимуществам ИИ будет ограничен без каких-либо справедливых и законных оснований для этого. Такой подход является как непропорциональным, так и неразумным (Sganga & Scalzini, 2017; Mizaras, 2012). Чтобы применять нормы интеллектуальной собственности, они должны быть актуальными в каждом конкретном случае, пропорциональными и справедливыми⁵⁶. Очевидно, что этого не происходит, когда отсутствует один из фундаментальных столпов интеллектуальной собственности – автор-человек. Все вышесказанное подводит нас к одному и тому же выводу: Закон об авторском праве антропоцентричен (Ginsburg, 2018).

Однако тот факт, что работы, созданные искусственным интеллектом, не подлежат защите авторского права, не полностью проясняет вопрос о требуемом пороговом значении вклада человека, чтобы он считался их автором или соавтором. Другими словами, более сложный вопрос заключается в том, можем ли мы установить какой-либо качественный и количественный критерий того, когда участие ИИ становится настолько значительным, что человек больше не может считаться автором произведения, потенциально охраняемого авторским правом.

Как было показано выше, вопрос о пороге человеческого вклада находится в процессе обсуждения. Как уже упоминалось, законодательство ЕС в этой области ориентировано на естественное право. Следовательно, правовую систему ЕС следует интерпретировать как стремящуюся установить максимально высокий порог человеческого вклада для обеспечения защиты авторских прав. Такой подход согласуется с решением судов ЕС и США. Личность автора должна быть напрямую связана с изобретением либо в том смысле, что он является единственным изобретателем, либо в качестве соавтора. Это означает, что, например, недостаточно просто задать вопрос ИИ, необходимо, чтобы ИИ выполнял какую-то второстепенную работу или, по крайней мере, чтобы человек творчески перестроил и скомбинировал результаты работы ИИ.

⁵⁴ Infopaq International v. Danske Dagblades Forening [2009]; C393/09 *Bezpečnostní softwarová asociace v. Ministerstvo kultury* [2010] E.C.R. I-13971; C-403/08 and C-429/08 *Football Association Premier League and Others v. QC Leisure and Others and Karen Murphy v. Media Protection Services* [2011] E.C.R. I-09083; C-145/10 *Eva-Maria Painer v. Standard VerlagsGmbH and Others* [2011] E.C.R. I-12533; C-604/10 *Football Dataco v. Yahoo! UK and Others* [2012] EU:C:2012:115 *Football Dataco v Yahoo* [2012], 53 (1): «Значительные трудозатраты и квалификация, необходимые для создания этой базы данных, сами по себе не могут служить основанием для такой защиты, если они не отражают какой-либо оригинальности в выборе или расположении данных, содержащихся в этой базе».

⁵⁵ Directive 2009/24, of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the Legal Protection of Computer Programs, art. 1, 3, 2009 O.J. (L 111) 16, 18 (EC).

⁵⁶ *Productores de Música de España (Promusicae) v Telefónica de España SAU*, Case C-275/06, [2008] ECR I-271, para. 68. *Football Association Premier League Ltd and Others v QC Leisure and Others*, Case C-403/08, *Karen Murphy v Media Protection Services Ltd*, Case C-429/08, (2012) EWHC 108.

Концепция злоупотребления авторским правом может еще больше прояснить рассматриваемую проблему. Хотя вопрос о возможном нарушении авторских прав в случае изобретений, созданных искусственным интеллектом, еще не до конца проработан, из прошлых решений судов ЕС по таким делам, как *Deutsche Grammophon*, *Coditel I* *Coditel II* и *Metronome Musik*⁵⁷, можно сделать некоторые выводы в отношении автора-человека и его действий в качестве правообладателя. основополагающим понятием во всех вышеупомянутых делах является разумность, соразмерность и уместность «защиты моральных и экономических прав» автора⁵⁸. При наличии автора-человека разумность, соразмерность и уместность приобретают форму разумного вознаграждения за коммерческое использование произведения. Когда автор-человек отсутствует, те же самые понятия должны принимать форму неприменения норм интеллектуальной собственности из-за отсутствия основной предпосылки защиты авторских прав. Когда какое-либо вмешательство человека присутствует, необходимо доказать, что оно является творческим, выходящим за рамки результатов работы искусственного интеллекта. Согласно законодательству Европейского союза об авторском праве, требуется «...‘обязательное’ участие оператора (без этого участия произведение не было бы создано)» (Xalabarder, 2016). В отношении произведения, созданного с использованием искусственного интеллекта, вопрос должен заключаться в следующем: является ли вклад человека необходимым для его материализации?

Исходя из этого, необходима нормативная база, которая предоставит нам пошаговые рекомендации. Так же, как был принят Закон ЕС об ИИ, можно разработать и внедрить закон об ИИ и интеллектуальной собственности. Прежде чем приступить к такому развитию права, нужно представить, что может привести к его появлению.

Первоначальным предварительным условием могло бы стать обязательное ведение патентными органами журналов регистрации, фиксирующих каждый шаг до момента создания окончательной версии произведения и вклад каждого «действующего лица» – как человека, так и искусственного интеллекта – в конечный результат. Это обязательное условие для того, чтобы можно было в дальнейшем качественно и количественно оценить вклад каждого участника. Эти журналы должны предоставляться соответствующим органам и должны быть доступны для оценки, чтобы человек мог претендовать на защиту авторских прав.

На основе этого первого шага вторым могла бы стать реконструкция творческого процесса. Необходимо определить некоторые критические пороговые значения креативности: выбор области интересов, т. е. в какой научной или промышленной области будут предприниматься попытки творчества; описание оригинальной идеи и ее более поздних версий; данные, на основе которых будет проводиться обучение; повторяющиеся действия, пока оригинальная идея или ее варианты не будут окончательно доработаны. Очевидно, что не все эти этапы имеют одинаковую качественную ценность для концепции и конечного результата творческой работы.

⁵⁷ Case C-78/70 *Deutsche Grammophon Gesellschaft mbH v. Metro-SB-Großmärkte GmbH & Co. KG*. *Deutsche Grammophon v. Metro SB* [1971] ECR 487, para. 11; Case C-262/81 *Coditel v. Cine Vog Films II (Coditel II)* [1982] ECR 3381; Case C-200/96, *Metronome Musik GmbH v. Music Point Hokamp GmbH* [1998] ECR I-1953; (Xalabarder, 2016).

⁵⁸ Case 158/86 *Warner Brothers and Another v. Christiansen* [1988] ECR 2605, para. 13.

С помощью журналов регистрации соответствующие органы смогут определить, кто является субъектом причинно-следственной связи между концепцией и ее промышленным применением. Для того чтобы произведение соответствовало требованиям авторского права, должно быть доказано, что именно человеческий интеллект стоит как за концепцией идеи, так и за той работой, которая необходима для того, чтобы эта идея нашла промышленное применение. Если человек не в состоянии доказать и концепцию идеи, и ее преобразование в промышленное применение, то о защите авторских прав не может быть и речи. Второстепенного вклада человека, такого как улучшения в окончательной работе или ее частичный пересмотр, будет недостаточно для защиты авторских прав. Очевидно, что административные и судебные органы должны будут провести соответствующую оценку.

Конечно, могут возникнуть ситуации, когда независимо от предоставления каких-либо журналов регистрации будет невозможно определить, является ли человек или искусственный интеллект объектом причинно-следственной связи, из-за постоянного взаимодействия между ними. В таком случае, при тесном и в равной степени творческом сотрудничестве между человеком и искусственным интеллектом, опять же было бы несправедливо, если бы человек получал прибыль, поскольку он не является единственным создателем произведения. Даже если сроки защиты авторских прав будут сокращены, в течение этого периода человек получит выгоду от того, что не является продуктом исключительно его работы. Таким образом, запрос должен касаться исключительно авторства человека, а бремя доказывания должно лежать на человеке.

Заключение

Законодательство ЕС сталкивается с растущими проблемами, связанными с влиянием новых технологий, и особенно искусственного интеллекта, на нормы интеллектуальной собственности (Rosati, 2014). На самом деле с такими трудностями сталкивается не только правовая система ЕС, но и правовые системы во всем мире. Искусственный интеллект ставит новые задачи как перед законодателями, так и перед судами, которые, особенно в соответствии с законодательством ЕС, сыграли значительную роль в формировании норм в области интеллектуальной собственности (Favale et al., 2016). Не подлежит сомнению, что искусственный интеллект беспрецедентно преобразует сферу интеллектуальной собственности (Cabay & Lambrecht, 2015).

Нормы в области интеллектуальной собственности не являются абсолютными. Они должны быть сбалансированы с общественными интересами и конкурентными правами. Такие положения содержатся в национальных законодательствах ряда государств – членов ЕС, а также в законодательстве ЕС. Хотя точная степень защиты интеллектуальной собственности как на конституционном уровне, так и на уровне обычных законов в разных государствах-членах различается, необходимость сбалансированного подхода не ставится под сомнение⁵⁹. Европейский суд по правам человека также придерживается этой позиции. В делах *Scarlet Extended* и *NetLog* суд постановил, что, хотя права интеллектуальной собственности защищены, «ничто

⁵⁹ Geller, P. E. (2009–2010). A German Approach to Fair Use. Test Cases for TRIPS Criteria for Copyright Limitations, in 57 Journal of the Copyright Society of the USA 553, 907; Moscarini, A. (2006). *Proprietà privata e tradizioni costituzionali comuni*, Milano, 2006, 161 ff.

в формулировке этого положения или в прецедентной практике Суда не указывает на то, что это право является нерушимым и по этой причине должно быть абсолютно защищено»⁶⁰. Защита интеллектуальной собственности должна быть справедливой по отношению к автору (поощрять личные достижения) и пропорциональной общественным интересам, которые требуют максимально широкого доступа к знаниям, творениям и их промышленному применению.

Идея этой статьи заключается в том, что ИИ, создавая произведения, может быть онтологически творческим, несмотря на то, что его изобретения не могут быть защищены законом об авторском праве. ИИ – это не просто автомат, это уникальный, самостоятельный субъект, обладающий способностью к автономному творчеству. Таким образом, запрет публичного доступа к его произведениям является несправедливым, непропорциональным и оскорбительным с точки зрения норм интеллектуальной собственности как в соответствии с законодательством ЕС, так и в соответствии с международным законодательством об авторском праве. На самом деле нам необходим новый набор норм и предписаний в соответствии с законодательством ЕС, своего рода стандарты и показатели автономии ИИ, которые помогут определить, когда ИИ становится настолько автономным, что его результаты должны быть свободно доступны всем нам. Фундаментальным требованием должна быть всеобщая доступность произведений, созданных с использованием ИИ. Это должно стать новым руководящим принципом в наступающую эпоху произведений, созданных с помощью ИИ.

Список литературы

- Adler, A. (2009.). Against moral rights. *California Law Review*, 97, 263–301.
- Bently, L., & Sherman, B. (2014). *Intellectual property law*. New York: Oxford University Press.
- Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford University Press.
- Bostrom, N., & Ćirkovic, M. (2008). Introduction. In N. Bostrom, M., Ćirkovic, & M. Rees (Eds.), *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press.
- Butler, T. L. (1982). Can a computer be an author – copyright aspects of artificial intelligence. *Hastings Communications and Entertainment Law Journal*, 4, 707.
- Cabay, J., & Lambrecht, M. (2015). Remix prohibited: how rigid EU copyright laws inhibit creativity. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, 10(5), 359–377. <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpv015>
- Castelvecchi, D. (2016). Can we open the black box of AI? *Nature*, 538(7623), 22. <https://doi.org/10.1038/538020a>
- Cohen, Ju. E. (2006). Copyright, Commodification, and Culture: Locating the Public Domain. In L. Guibault, & P. B. Hugenholtz (Eds.), *The Future of the Public Domain* (pp. 121–166). Kluwer Law Intl.
- Favale, M., Kretschmer, M., & Torremans, P. C. (2016). Is there an EU Copyright Jurisprudence? An Empirical Analysis of the Workings of the European Court of Justice. *The Modern Law Review*, 79, 31–75. <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12166>
- Fisher, W. W. (2001). Theories of Intellectual Property. In S. Munzer (Ed.), *New Essays in the Legal and Political Theory of Property* (pp. 168–199). Cambridge University Press.
- Gerdes, A. (2018). An Inclusive Ethical Design Perspective for a Flourishing Future with Artificial Intelligent Systems. *European Journal of Risk Regulation*, 9(4), 677–689. <https://doi.org/10.1017/err.2018.62>
- Gervais, D. J. (2019). The machine as author. *Iowa Law Review*, 105, 2053–2106.
- Ginsburg, J. C. (2018). People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention. *International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC)*, 49, 131. <https://doi.org/10.1007/S40319-018-0670-X>
- Ginsburg, J. C., & Budiardjo, L. A. (2019). Authors and machines. *Berkeley Technology Law Journal*, 34(2), 343. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3233885>

⁶⁰ Scarlet Extended SA v Société belge des auteurs, compositeurs et éditeurs SCRL (SABAM), Case C-70/10, 24 November 2011, para. 43.

- Greenstein, S. (2022). Preserving the rule of law in the era of artificial intelligence (AI). *Artificial Intelligence and Law*, 30, 291–323. <https://doi.org/10.1007/s10506-021-09294-4>
- Grinmelmann, J. (2016). There's No Such Thing as a Computer-Authored Work – and It's a Good Thing, Too. *Columbia Journal of Law & the Arts*, 39, 403. <https://doi.org/10.31228/osf.io/rk8cm>
- Hallevy, G. (2018). *Dangerous Robots – Artificial Intelligence vs. Human Intelligence*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3121905>
- Hansmann, H., & Santilli, M. (1997). Authors' and artists' moral rights: a comparative legal and economic analysis. *The Journal of Legal Studies*, 26(1), 95. <https://doi.org/10.1086/467990>
- Hashiguchi, M. (2017a). The global artificial intelligence revolution challenges patent eligibility laws. *Journal of Business & Technology Law*, 13(1).
- Hashiguchi, M. (2017b). Artificial intelligence and the jurisprudence of patent eligibility in the United States, Europe, and Japan. *Intellectual Property & Technology Law Journal*, 29(12), 3–15.
- Hattenbach, B., & Snyder, G. (2018). Rethinking the mental steps doctrine and other barriers to patentability of artificial intelligence. *Columbia Science and Technology Law Review*, 19(2), 313–339.
- Hemel, D. J., & Ouellette, L. L. (2013). Beyond the Patents–Prizes Debate. *Texas Law Review*, 92(2), 303. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2245691>
- Holst, K. (2006.). A case of bad credit?: The United States and the protection of moral rights in intellectual property law. *Buffalo Intellectual Property Law Journal*, 3(2), 105.
- Hristov, K. (2017). Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma. *IDEA*, 57, 431.
- Hugenholtz, P. B., & Quintais, J. P. (2021). Copyright and Artificial Creation: Does EU Copyright Law Protect AI-Assisted Output? (2021). *International Review of Intellectual Property and Competition Law – IIC*, 52, 1190–1216. <https://doi.org/10.1007/s40319-021-01115-0>
- Hutter, M. (2010). *Universal Artificial Intelligence: Sequential Decisions Based on Algorithmic Probability*. Springer.
- Hutukka, P. (2023). Copyright Law in the European Union, the United States and China. *International Review of Intellectual Property and Competition Law – IIC*, 54, 1044–1080. <https://doi.org/10.1007/s40319-023-01357-0>
- Jaszi, P. (1992). On the Author Effect: Contemporary Copyright and Collective Creativity. *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*, 10(2), 293–320.
- Karppi, T., & Crawford, K. (2016). Social Media, Financial Algorithms and the Hack Crash. *Theory Culture & Society*, 33(1), 73. <https://doi.org/10.1177/0263276415583139>
- Khoury, A. H. (2017). Intellectual Property Rights For “Hubots”: On The Legal Implications Of Human-Like Robots As Innovators And Creators. *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*, 35(3), 635–668.
- Krauss, M. (1989). Property, Monopoly, and Intellectual Rights Non-Posnerian Law and Economics Symposium. *Hamline Law Review*, 12(2), 305.
- Kur, A., Dreier, T., & Luginbuehl, S. (2013). *European intellectual property law: text, cases and materials* (2nd edn.). Edward Elgar Publishing, Cheltenham.
- Lake, B. Ullman, T., Tenenbaum, J., & Gershman, S. (2017). Building Machines That Learn and Think Like People. *Behavioral and brain sciences*, 40, 1–72. <https://doi.org/10.1017/S0140525X16001837>
- Laton, D. (2016). Manhattan_Project.Exe: A Nuclear Option for the Digital Age. *Catholic University Journal of Law & Technology*, 25(1), 94.
- Manderieux, L. (2010). Secured Transactions as a Tool for Better Use of Intellectual Property Rights and of Intellectual Property Licensing (including Patent Licensing). *UNIDROIT Uniform Law Review*, 2010-1, 447.
- Martinez, R. (2019). Artificial Intelligence: Distinguishing Between Types & Definitions. *Nevada Law Journal*, 19(3), 1015–1041.
- McCarthy, J. (2008). The Well-Designed Child. *Artificial Intelligence*, 172(18). <https://doi.org/10.1016/j.artint.2008.10.001>
- Mizaras, V. (2012). Lithuania, In R. M. Hilty, & S. Ne´rison (Eds), *Balancing copyright – a survey of national approaches* (pp. 623–644). Springer, Berlin.
- Omohundro, S. M. (2008). The Basic AI Drives. In Pei Wang et al. (Eds.), *Artificial General Intelligence 2008: Proceedings Of The First Agi Conference* (p. 483).
- Pila, J., & Torremans, P. (2019). *European Intellectual Property Law*. Oxford University Press.
- Rai, Arti Kaur. (1999). Regulating Scientific Research: Intellectual Property Rights and the Norms of Science. *Northwestern University Law Review*, 94, 77. <https://doi.org/10.2139/ssrn.172032>
- Ricketson, S., & Ginsburg, J. (2005). *International copyright and neighbouring rights: The Berne Convention and beyond* (2d ed.). New York: Oxford University Press.
- Rosati, E. (2014). Copyright in the EU: in search of (in)flexibilities. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, 9(7), 585–598. <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpu034>

- Russell, S. J., & Norvig, P. (2010). *Artificial Intelligence: A Modern Approach* (3d ed.). Pearson.
- Salzberger, E. (2006). Economic Analysis of the Public Domain In L. Guibault, & P. B. Hugenholtz (Eds.), *The Future of the Public Domain* (Ch. III, pp. 27–59). Kluwer Law Intl.
- Senftleben, M., & Buijelaar, L. (2020). Robot creativity: an incentive-based neighboring rights approach. *European Intellectual Property Review*, 42, 797–806. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3707741>
- Sganga, C., & Scalzini, S. (2017). From Abuse of Right to European Copyright Misuse: A New Doctrine for EU Copyright Law. *International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC)*, 48(4), 405–435. <https://doi.org/10.1007/s40319-017-0584-z>
- Sobel, B. L. W. (2017). Artificial Intelligence's Fair Use Crisis. *Columbia Journal of Law & The Arts*, 41(1), 45–97. <https://doi.org/10.7916/jla.v41i1.2036>
- Spector, L. (2006). Evolution of artificial intelligence. *Artificial Intelligence*, 170(18), 1251–1253. <https://doi.org/10.1016/j.artint.2006.10.009>
- Suchman, L., & Weber, J. (2016). Human-Machine Autonomies. In N. Bhuta, S. Beck, R. Geib, H. Yan Liu, & C. Kreb (Eds.), *Autonomous Weapon Systems: Law, Ethics, Policy* (pp. 39, 40). Cambridge: Cambridge University Press.
- Turing, A. M. (1950). Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, 49(236), 433–460. <https://doi.org/10.1093/mind/lix.236.433>
- Van Asselt, M. B. A., & Renn, O. (2011). Risk Governance. *Journal of Risk Research*, 14(4), 431–449. <https://doi.org/10.1080/13669877.2011.553730>
- van Eechoud, M. (2012). Along the road to uniformity: diverse readings of the Court of Justice Judgments on copyright works. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*, 3(1), 60–80.
- van Gompel, S. (2014). Creativity, autonomy and personal touch. A critical appraisal of the CJEU's originality test for copyright. In M. van Eechoud (Ed.), *The work of authorship* (pp. 95–143). Amsterdam: University Press.
- Walter, M., & von Lewinski, S. (2010). *European copyright law: a commentary*. New York: Oxford University Press.
- Xalabarder, R. (2016). The Role of the CJEU in Harmonizing EU Copyright Law. *International Review of Intellectual Property and Competition Law – IIC*, 47, 635–639. <https://doi.org/10.1007/s40319-016-0509-2>
- Xu, M, David, J. M., & Kim, S. H. (2018). The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges. *International Journal of Financial Research*, 9(2), 90–95. <https://doi.org/10.5430/ijfr.v9n2p90>
- Yanisky-Ravid, S., & Liu, X. (2018). When Artificial Intelligence Systems Produce Inventions: The 3A Era and an Alternative Model for Patent Law. *Cardozo Law Review*, 39, 2215–2263.
- Yong, Wan, & Hongxuyang, Lu. (2021). Copyright protection for AI-generated outputs: The experience from China. *Computer Law & Security Review*, 42. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105581>
- Zurth, P. (2021). Artificial Creativity? A Case against Copyright Protection for AI-Generated Works. *UCLA Journal of Law & Technology*, 25(2).

Сведения об авторе

Цимас Фемистоклис – PhD в области государственного международного права и политологии, ассистент преподавателя, Школа права, Университет Фракии имени Демокрита

Адрес: Греция, PS 66100, г. Комотины, Университетский кампус

E-mail: themis.tzimas@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0454-8220>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56615756300>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=XYVSDaIAAAAJ>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.41.51 / Охрана авторских прав

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 20 октября 2024 г.

Дата одобрения после рецензирования – 8 ноября 2024 г.

Дата принятия к опубликованию – 25 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения – 30 марта 2025 г.

Research article

UDC 34:004:347.78:340.13:347.9:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/ppfjub>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.2>

Evolution of Copyright in the Era of Artificial Intelligence: Analysis of Conflicts of Law and Judicial Precedents

Themistoklis Tzimas

Democritus University of Thrace, Komotini, Greece

Keywords

artificial intelligence,
copyright law,
court,
digital technologies,
intellectual property,
interdisciplinary approach,
law,
legal regulation,
legislation,
technological advancement

Abstract

Objective: a comprehensive critical analysis of the modern legal regulation of artificial intelligence technologies arising at the junction of intellectual property and artificial intelligence norms. Special attention is paid to the study of conflicts between existing European copyright legislation and new technological realities.

Methods: the work uses an interdisciplinary approach, including historical, formal-legal and comparative-legal research methods. The historical method allowed tracing the evolution of legislative and doctrinal approaches to intellectual property regulation in the era of digitalization. The formal-legal method made it possible to conduct a detailed analysis of the legal norms of various states. The comparative-legal method provided an opportunity to compare different approaches to regulating relations in the use of artificial intelligence for creative activities.

Results: the study examines the issues of copyright for works created using artificial intelligence, including complex aspects of determining authorship, as well as the issues of anthropocentrism in modern legislation. The author analyzes judicial precedents, mainly in the context of the European Union legislation, which is actively adapting to new technological challenges. Various approaches are investigated to determine the legal status of works created using artificial intelligence and their impact on traditional intellectual property concepts.

Scientific novelty: the article presents a unique comprehensive assessment of the impact of the AI creative capabilities on the fundamental intellectual

© Tzimas Th., 2025

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

property concepts. The scientific significance lies in the author's original assessment of the impact of artificial intelligence technologies on copyright legislation, based on a detailed analysis of judicial precedents and doctrinal approaches. The author investigate the prospective development of legal regulation in the context of technological progress.

Practical significance: the paper proposes legal and governmental solutions aimed at creating a balanced and effective intellectual property regime in the era of artificial intelligence. Recommendations were developed to improve legislation, taking into account existing judicial precedents and the needs of the digital economy. The research results can be used to develop new regulations and improve the existing legal framework of artificial intelligence regulation.

For citation

Tzimas, Th. (2025). Evolution of Copyright in the Era of Artificial Intelligence: Analysis of Conflicts of Law and Judicial Precedents. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(1), 35–64. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.2>

References

- Adler, A. (2009.). Against moral rights. *California Law Review*, 97, 263–301.
- Bently, L., & Sherman, B. (2014). *Intellectual property law*. New York: Oxford University Press.
- Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford University Press.
- Bostrom, N., & Ćirkovic, M. (2008). Introduction. In N. Bostrom, M., Ćirkovic, & M. Rees (Eds.), *Global Catastrophic Risks*. Oxford: Oxford University Press.
- Butler, T. L. (1982). Can a computer be an author – copyright aspects of artificial intelligence. *Hastings Communications and Entertainment Law Journal*, 4, 707.
- Cabay, J., & Lambrecht, M. (2015). Remix prohibited: how rigid EU copyright laws inhibit creativity. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, 10(5), 359–377. <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpv015>
- Castelvecchi, D. (2016). Can we open the black box of AI? *Nature*, 538(7623), 22. <https://doi.org/10.1038/538020a>
- Cohen, Ju. E. (2006). Copyright, Commodification, and Culture: Locating the Public Domain. In L. Guibault, & P. B. Hugenholtz (Eds.), *The Future of the Public Domain* (pp. 121–166). Kluwer Law Intl.
- Favale, M., Kretschmer, M., & Torremans, P. C. (2016). Is there an EU Copyright Jurisprudence? An Empirical Analysis of the Workings of the European Court of Justice. *The Modern Law Review*, 79, 31–75. <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12166>
- Fisher, W. W. (2001). Theories of Intellectual Property. In S. Munzer (Ed.), *New Essays in the Legal and Political Theory of Property* (pp. 168–199). Cambridge University Press.
- Gerdes, A. (2018). An Inclusive Ethical Design Perspective for a Flourishing Future with Artificial Intelligent Systems. *European Journal of Risk Regulation*, 9(4), 677–689. <https://doi.org/10.1017/err.2018.62>
- Gervais, D. J. (2019). The machine as author. *Iowa Law Review*, 105, 2053–2106.
- Ginsburg, J. C. (2018). People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention. *International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC)*, 49, 131. <https://doi.org/10.1007/S40319-018-0670-X>
- Ginsburg, J. C., & Budiardjo, L. A. (2019). Authors and machines. *Berkeley Technology Law Journal*, 34(2), 343. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3233885>
- Greenstein, S. (2022). Preserving the rule of law in the era of artificial intelligence (AI). *Artificial Intelligence and Law*, 30, 291–323. <https://doi.org/10.1007/s10506-021-09294-4>
- Grinmelmann, J. (2016). There's No Such Thing as a Computer-Authored Work – and It's a Good Thing, Too. *Columbia Journal of Law & the Arts*, 39, 403. <https://doi.org/10.31228/osf.io/rk8cm>

- Hallevy, G. (2018). *Dangerous Robots – Artificial Intelligence vs. Human Intelligence*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3121905>
- Hansmann, H., & Santilli, M. (1997). Authors' and artists' moral rights: a comparative legal and economic analysis. *The Journal of Legal Studies*, 26(1), 95. <https://doi.org/10.1086/467990>
- Hashiguchi, M. (2017a). The global artificial intelligence revolution challenges patent eligibility laws. *Journal of Business & Technology Law*, 13(1).
- Hashiguchi, M. (2017b). Artificial intelligence and the jurisprudence of patent eligibility in the United States, Europe, and Japan. *Intellectual Property & Technology Law Journal*, 29(12), 3–15.
- Hattenbach, B., & Snyder, G. (2018). Rethinking the mental steps doctrine and other barriers to patentability of artificial intelligence. *Columbia Science and Technology Law Review*, 19(2), 313–339.
- Hemel, D. J., & Ouellette, L. L. (2013). Beyond the Patents–Prizes Debate. *Texas Law Review*, 92(2), 303. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2245691>
- Holst, K. (2006). A case of bad credit?: The United States and the protection of moral rights in intellectual property law. *Buffalo Intellectual Property Law Journal*, 3(2), 105.
- Hristov, K. (2017). Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma. *IDEA*, 57, 431.
- Hugenholtz, P. B., & Quintais, J. P. (2021). Copyright and Artificial Creation: Does EU Copyright Law Protect AI-Assisted Output? (2021). *International Review of Intellectual Property and Competition Law – IIC*, 52, 1190–1216. <https://doi.org/10.1007/s40319-021-01115-0>
- Hutter, M. (2010). *Universal Artificial Intelligence: Sequential Decisions Based on Algorithmic Probability*. Springer.
- Hutukka, P. (2023). Copyright Law in the European Union, the United States and China. *International Review of Intellectual Property and Competition Law – IIC*, 54, 1044–1080. <https://doi.org/10.1007/s40319-023-01357-0>
- Jaszi, P. (1992). On the Author Effect: Contemporary Copyright and Collective Creativity. *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*, 10(2), 293–320.
- Karppi, T., & Crawford, K. (2016). Social Media, Financial Algorithms and the Hack Crash. *Theory Culture & Society*, 33(1), 73. <https://doi.org/10.1177/0263276415583139>
- Khoury, A. H. (2017). Intellectual Property Rights For “Hubots”: On The Legal Implications Of Human-Like Robots As Innovators And Creators. *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*, 35(3), 635–668.
- Krauss, M. (1989). Property, Monopoly, and Intellectual Rights Non-Posnerian Law and Economics Symposium. *Hamline Law Review*, 12(2), 305.
- Kur, A., Dreier, T., & Luginbuehl, S. (2013). *European intellectual property law: text, cases and materials* (2nd edn.). Edward Elgar Publishing, Cheltenham.
- Lake, B. Ullman, T., Tenenbaum, J., & Gershman, S. (2017). Building Machines That Learn and Think Like People. *Behavioral and brain sciences*, 40, 1–72. <https://doi.org/10.1017/S0140525X16001837>
- Laton, D. (2016). Manhattan_Project.Exe: A Nuclear Option for the Digital Age. *Catholic University Journal of Law & Technology*, 25(1), 94.
- Manderieux, L. (2010). Secured Transactions as a Tool for Better Use of Intellectual Property Rights and of Intellectual Property Licensing (including Patent Licensing). *UNIDROIT Uniform Law Review*, 2010-1, 447.
- Martinez, R. (2019). Artificial Intelligence: Distinguishing Between Types & Definitions. *Nevada Law Journal*, 19(3), 1015–1041.
- McCarthy, J. (2008). The Well-Designed Child. *Artificial Intelligence*, 172(18). <https://doi.org/10.1016/j.artint.2008.10.001>
- Mizaras, V. (2012). Lithuania, In R. M. Hilty, & S. Ne’rison (Eds), *Balancing copyright – a survey of national approaches* (pp. 623–644). Springer, Berlin.
- Omohundro, S. M. (2008). The Basic AI Drives. In Pei Wang et al. (Eds.), *Artificial General Intelligence 2008: Proceedings Of The First Agi Conference* (p. 483).
- Pila, J., & Torremans, P. (2019). *European Intellectual Property Law*. Oxford University Press.
- Rai, Arti Kaur. (1999). Regulating Scientific Research: Intellectual Property Rights and the Norms of Science. *Northwestern University Law Review*, 94, 77. <https://doi.org/10.2139/ssrn.172032>
- Ricketson, S., & Ginsburg, J. (2005). *International copyright and neighbouring rights: The Berne Convention and beyond* (2d ed.). New York: Oxford University Press.
- Rosati, E. (2014). Copyright in the EU: in search of (in)flexibilities. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, 9(7), 585–598. <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpu034>
- Russell, S. J., & Norvig, P. (2010). *Artificial Intelligence: A Modern Approach* (3d ed.). Pearson.
- Salzberger, E. (2006). Economic Analysis of the Public Domain In L. Guibault, & P. B. Hugenholtz (Eds.), *The Future of the Public Domain* (Ch. III, pp. 27–59). Kluwer Law Intl.

- Senftleben, M., & Buijelaar, L. (2020). Robot creativity: an incentive-based neighboring rights approach. *European Intellectual Property Review*, 42, 797–806. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3707741>
- Sganga, C., & Scalzini, S. (2017). From Abuse of Right to European Copyright Misuse: A New Doctrine for EU Copyright Law. *International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC)*, 48(4), 405–435. <https://doi.org/10.1007/s40319-017-0584-z>
- Sobel, B. L. W. (2017). Artificial Intelligence's Fair Use Crisis. *Columbia Journal of Law & The Arts*, 41(1), 45–97. <https://doi.org/10.7916/jla.v41i1.2036>
- Spector, L. (2006). Evolution of artificial intelligence. *Artificial Intelligence*, 170(18), 1251–1253. <https://doi.org/10.1016/j.artint.2006.10.009>
- Suchman, L., & Weber, J. (2016). Human-Machine Autonomies. In N. Bhuta, S. Beck, R. Geib, H. Yan Liu, & C. Kreb (Eds.), *Autonomous Weapon Systems: Law, Ethics, Policy* (pp. 39, 40). Cambridge: Cambridge University Press.
- Turing, A. M. (1950). Computing Machinery and Intelligence. *Mind*, 49(236), 433–460. <https://doi.org/10.1093/mind/lix.236.433>
- Van Asselt, M. B. A., & Renn, O. (2011). Risk Governance. *Journal of Risk Research*, 14(4), 431–449. <https://doi.org/10.1080/13669877.2011.553730>
- van Eechoud, M. (2012). Along the road to uniformity: diverse readings of the Court of Justice Judgments on copyright works. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*, 3(1), 60–80.
- van Gompel, S. (2014). Creativity, autonomy and personal touch. A critical appraisal of the CJEU's originality test for copyright. In M. van Eechoud (Ed.), *The work of authorship* (pp. 95–143). Amsterdam: University Press.
- Walter, M., & von Lewinski, S. (2010). *European copyright law: a commentary*. New York: Oxford University Press.
- Xalabarder, R. (2016). The Role of the CJEU in Harmonizing EU Copyright Law. *International Review of Intellectual Property and Competition Law – IIC*, 47, 635–639. <https://doi.org/10.1007/s40319-016-0509-2>
- Xu, M, David, J. M., & Kim, S. H. (2018). The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges. *International Journal of Financial Research*, 9(2), 90–95. <https://doi.org/10.5430/ijfr.v9n2p90>
- Yanisky-Ravid, S., & Liu, X. (2018). When Artificial Intelligence Systems Produce Inventions: The 3A Era and an Alternative Model for Patent Law. *Cardozo Law Review*, 39, 2215–2263.
- Yong, Wan, & Hongxuyang, Lu. (2021). Copyright protection for AI-generated outputs: The experience from China. *Computer Law & Security Review*, 42. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105581>
- Zurth, P. (2021). Artificial Creativity? A Case against Copyright Protection for AI-Generated Works. *UCLA Journal of Law & Technology*, 25(2).

Author information

Themistoklis Tzimas – PhD (Public International Law and Political Science), Adjunct Assistant Professor, School of Law, Democritus University of Thrace

Address: PS 66100, University Campus, Komotini, Greece

E-mail: themis.tzimas@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0454-8220>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56615756300>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=XYVSDaIAAAAJ>

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – October 20, 2024

Date of approval – November 8, 2024

Date of acceptance – March 25, 2025

Date of online placement – March 30, 2025